

*Всем, кому хватает здравого смысла
бояться глубокой, непрозрачной воды.*

*Многим кажется, будто там, внизу,
не может быть ничего опасного,
но это не так.*

*Там есть **ЧТО-ТО**. Всегда.*

И оно ждет...

*В глубокой и темной воде,
В тине у самого дна,
Дремлет она и ждет,
И она – голодна.*

*Бойся ее потревожить,
Бойся ее разбудить.
Если она проснется,
Может тебя схватить.*

*Вкрадчивый, ласковый шепот,
Вдруг зазвучит в мозгу,
И силы уже не хватит
Ответить: «Я не могу».*

*Свяжет тебя навек
Просьбой своей простой:
Зачем этот мир тебе?
Останься лучше со мной.*

*Будем нырять и плавать,
Будем силы копить,
Неправда, что под водою
Девчонки не могут жить.*

Детский стишок,
который в 1900-х гг.
был хорошо известен
подросткам
города Бранденбург,
штат Вермонт

ПРОЛОГ

— 18 июля 2000 г. —

— Мертвым нечего бояться, — сказала Лекси.

Мы стояли в воде и перебирали ногами, чтобы держаться на поверхности. Губы у нас посинели, зубы выбивали дробь.

Моя сестра была в новеньком ярко-голубом купальнике цвета мартовского неба. Мой купальник, который я донашивала за ней, тоже когда-то был голубым, но сейчас ткань полиняла и вытерлась почти до полной прозрачности.

— Не забудь: когда мы играем в утопленников, глаза надо держать открытыми во что бы то ни стало! — Выражение лица Лекси было серьезным и торжественным. — Обещаешь? Нет, скажи — обещаешь, что не будешь зажмуриваться?

Я кивнула.

— Обещаешь не зажмуриваться, даже если увидишь Риту? — настаивала сестра.

— Заткнись уже, Лекс!

— Она ведь там, внизу! Ждет...

— Заткнись. — Я отплыла немного в сторону, поближе к бортику бассейна.

Лекси рассмеялась и покачала головой:

— Трусишка!

Но тут ей, похоже, стало меня жалко — наверное, она вспомнила, что мне всего девять. По-прежнему

стоя в воде, Лекс вытянула в мою сторону руку с выпрямленным указательным пальцем.

— Ну-ну, не куксись! — сказала она мягко, и я снова подплыла к ней и выставила из воды руку, скрестив свой указательный палец с ее.

— Команда Икс!.. — проговорила Лекси.

— ...Вместе навсегда, — закончила я, и мы согнули, сплели пальцы. Короткое пожатие, и мы убрали руки.

— Если она явится за одной из нас, ей придется забрать обеих, — сказала сестра.

— Лекс!..

— Ну, на счет «три». Раз... Два... Только не закрывай глаза, Джекс. Я все равно узнаю, что ты жульничала.

Я сделала самый глубокий вдох, какой только могла.

— ...Три!

По этому сигналу мы погрузили лица в темную воду и застыли неподвижно, невесомые, словно близнецы в материнской утробе.

* * *

Бассейн в доме нашей бабушки был размером двадцать на сорок пять футов. Его края были выложены обтесанными гранитными блоками. В щелях между вечно сырými, серыми камнями пророс темно-зеленый бархатный мох, стенки покрывали неопрятные пятна тины. Бассейн (не знаю, может быть, правильнее было назвать его прудом?) питался подземным источником, поэтому никаких насосов и труб в нем не было — только сливной канал в дальнем конце. Выложенный каменной плиткой, он тянулся через весь двор, отводя излишек воды в ручей ниже по холму, а ручей впадал в реку. В отдельные годы по краям бассейна появлялись склизкие водоросли с длинными, мягкими стеблями; корнями они цеплялись за камень,

а стебли плавали в воде, покачиваясь на поверхности вместе со мной и Лекси. Когда водорослей становилось слишком много, бабушка вычерпывала их сетчатым сачком на длинной ручке. Время от времени она запускала в бассейн молодую форель, утверждая, что мальки очищают воду от водорослей и комариных личинок, но какое-то время спустя рыба куда-то исчезала и бабушке приходилось снова браться за сачок.

Моя сестра любила бассейн. Я — ненавидела. Вода в нем была такая черная, что, погрузившись по шею, я не видела своих ног. В жару от бассейна ощутимо тянуло гнилью и сероводородом, а на вкус вода была точь-в-точь как спичечные головки. Из-за ключей она была такой холодной, что по сравнению с ней ледяная ванна, в которую мама посадила меня, когда я заболела и у меня была высокая температура, могла показаться теплой и приятной. Порой я думала — вода бассейна высасывает из меня жизненную силу. От нее перехватывало дыхание, руки и ноги немели, кожа краснела, как ошпаренная, а губы приобретали синюшный оттенок. Каждый раз, когда мы с Лекси вылезали из бассейна, мы и в самом деле походили на утопленниц, в которых играли.

В бабушкином доме — Ласточкином Гнезде, стоявшем на окраине крошечного городка Бранденбург в Вермонте, — мы с Лекси проводили каждое лето. От нашего дома в Шелберне, штат Массачусетс, до него было всего три часа езды, но нам казалось, что Ласточкино Гнездо находится в совершенно ином мире или, во всяком случае, очень далеко от нашего скучного одноэтажного домишки, стоявшего среди таких же скучных длинных домов с покатыми крышами и крошечными палисадничками перед фасадом на одной из прямых, словно по линейке проведенных улиц,

образующих правильную геометрическую решетку. Другое дело — Ласточкино Гнездо... Это был сыроватый, массивный, просторный особняк с толстыми стенами, сложенными из камня и огромных, обтесанных вручную бревен. Стены сплошным ковром покрывал разросшийся за десятилетия плющ. Полукруглое окно мансарды было похоже на глаз, глядящий на пруд. За домом возвышались два огромных холма, сплошь заросших густым лесом. На выходные или праздники нас иногда навещали в Ласточкином Гнезде родители, но большую часть времени мы жили там только втроем: я, Лекси и бабушка, которая весь год с нетерпением ждала нашего приезда. Одной в большом доме ей было скучновато. Так, во всяком случае, говорила мама.

Нам тоже нравилось жить с бабушкой. Ласточкино Гнездо было сосредоточием нашей летней жизни. Ласточкино Гнездо и бассейн. Правда, насчет купания у бабушки было немало весьма строгих правил. Нам нельзя было лазить в воду, если ее нет дома. Нельзя было купаться по одной — только вместе. Каждые полчаса мы должны были выбираться из воды, чтобы отогреться на солнышке. А еще нам категорически запрещалось купаться ночью. «Это опасно!» — твердила бабушка. Впрочем, лишний раз предупреждать нас об опасности было не нужно: мы хорошо помнили, что случилось с маминой младшей сестрой Ритой, которая утонула в бассейне, когда ей было всего семь лет.

Сейчас, пока мы с Лекси играли в утопленниц, я снова подумала о ней — о маленькой девочке, которая чуть покачивается на поверхности черной воды. Я представила, как ее волосы сплетаются с плывущими по воде водорослями, представила ее бледное, бескровное лицо и широко открытые неподвижные

глаза. Семилетняя девочка, которая уже никогда не вырастет...

Именно из-за Риты (думать о ней как о тетке я не могла) нам с Лекси приходилось скрывать от бабушки нашу игру. Однажды она уже застала нас в бассейне, когда мы плавали на поверхности, опустив головы под воду и задержав дыхание, и немедленно приказала нам вылезать и отправляться в дом. Я видела, что бабушка очень напугана, но понять почему, не могла. В конце концов, с нами же ничего не случилось, правда? И даже когда Лекси попыталась объяснить ей, что мы просто соревнуемся, кто может дольше не дышать, это не помогло. Бабушку продолжало трясти. После этого случая появилось новое правило: никогда больше так не делать, иначе она больше не подпустит нас к воде.

Нам больше нельзя было играть в утопленниц, но это была любимая игра Лекси, а моя сестра умела добиваться своего. Теперь мы играли, только когда бабушка смотрела в гостиной телевизор и не могла поймать нас с поличным. Конечно, опасность попасться все равно оставалась, однако риск только придавал нашей игре остроту: сердилась бабушка нечасто, но если это случалось, тогда — берегись! Ее гнев напоминал одну из тех неистовых летних гроз, которые сотрясали дом до самого основания, и нам оставалось только спрятаться под одеяло с головой и молиться, чтобы все поскорее закончилось.

Бабушка выросла в Ласточкином Гнезде. Здесь она вышла замуж — церемония состоялась в большом павильоне, установленном на заднем дворе. Здесь, в одной из верхних спален, она родила своих детей — трех здоровых девочек, которым помогала появиться на свет местная акушерка. Каждый день бабушка купалась в бассейне — даже в плохую погоду, даже зимой, ког-

да ей приходилось брать в руки топор, чтобы сделать во льду прорубь. Сбросив теплую куртку и шерстяные лыжные брюки, под которыми не было ничего, кроме старомодного купальника в горошек, она прыгала в воду ногами вперед, так что над поверхностью виднелась только голова в голубой резиновой шапочке. Бабушка утверждала, что такие купания ее омолаживают и вообще очень полезны. И действительно, выглядела она не по годам здоровой и крепкой, хотя Лекси как-то под большим секретом сказала мне, что на самом деле бабушка больна и ее болезнь называется аго-рафобия.

— А-го-ра-фо-бия, — повторила Лекси по складам.

— Но она вовсе не выглядит больной! — заспорила я. Из длинного названия я поняла только «фобию», которая ассоциировалась у меня с маньяками, кровью и всем, что показывали в фильмах для взрослых, смотреть которые нам не разрешалось.

— Эту болезнь нельзя увидеть, глупенькая! — рассмеялась Лекси. — Она в голове! Мне рассказала об этом тетя Диана.

Лекси была права: бабушка действительно никогда не покидала Ласточкино Гнездо, никогда не училась водить машину и даже продукты доставляли ей из Бранденбурга прямо к порогу. И все-таки мне было трудно представить, что женщина, которой хватает сил сделать прорубь в толстом январском льду, может спастись перед какими-то капризами собственного мозга.

* * *

Мы лежали в воде лицом вниз и не дышали. Лекси засекала время по своим навороченным подводным часам, которые ей подарили на день рождения. Мой рекорд равнялся минуте и сорока пяти секундам. Лек-

си могла не дышать ровно две минуты. Она вообще чувствовала себя в воде как рыба, в крайнем случае — как амфибия. Иногда мне даже казалось, что у нее есть настоящие жабры, которые никто не видит. Что касается меня, то я была чисто сухопутным существом. Каждый раз, когда я погружалась в холодную воду, да еще и не двигалась и поэтому не могла хоть немного согреться, мое сердце то совсем замирало, то вдруг принималось неистово колотиться, в голове появлялся туман и я совершенно утрачивала счет времени.

Я понятия не имела, сколько мы пробыли под водой в этот раз. Все мои силы уходили на борьбу с инстинктивным желанием немедленно плыть к бортику, чтобы выбраться на берег. Как и было договорено, я не закрывала глаз, но мой взгляд упирался только в темноту внизу — густую, непроницаемую темноту, где каждую секунду могла показаться белая ночная рубашка моей несостоявшейся тетки или ее бледная распухшая рука, тянущаяся ко мне из глубины.

По старым фото я знала, что Рита была миниатюрной девочкой с темными волосами и ярко-синими глазами. Фотографий, впрочем, сохранилось немного — в отличие от своих старших сестер Рита не любила сниматься и вообще быть в центре внимания. Гораздо больше она любила читать. Мы с Лекси нашли на чердаке немало детских книг, подписанных ее именем. Тут были и «Паутина Шарлотты», и «Маленький домик в прерии», и серия про маленькую Рамону, и даже «Чарли и шоколадная фабрика»! Нашей любимой настольной игрой долгое время оставались «Змеи и лестницы», потому что на крышке коробки большими печатными буквами было написано «Рита» и нарисованы змея и маленькая девочка в платьице. От бабушки мы знали, что эта девочка — Марта, воображаемая подружка Риты. Каждый